

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ РУССКИХ И ИХ ПОТОМКОВ В КИТАЕЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ (на материале речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай)

Изучение языка русского зарубежья будет неполным без исследования языка русских приграничного Китая, переселившихся на данные территории в 20–40-х гг. XX в., и языка их потомков. В статье анализируется языковая компетенция представителей разных поколений потомков русских переселенцев в приграничный Китай. Настоящее исследование позволяет проследить историю существования русского языка в приграничных районах китайской провинции Хэйлунцзян, а также описать его состояние и степень сохранности на данный момент. Материалом для анализа послужили записи русской речи, сделанные в приграничном селе Бяньцзян в июле 2011 г.

Ключевые слова: язык русского зарубежья; языковой контакт; двуязычие; языковая компетенция.

Русская диаспора, сформировавшаяся в Китае в первой половине XX в., не была целостным образованием и имела несколько основных очагов локализации. Так, на территории Маньчжурии (современная северо-восточная часть КНР) русские эмигранты сосредоточенно проживали в городе Харбине и полосе отчуждения КВЖД, а также в Трехречье (долине рек Ган, Дербул и Хаул), автономном районе Внутренняя Монголия и на приграничных территориях провинции Хэйлунцзян. В северо-западной части Китая русская эмигрантская колония находилась в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (главным образом в городе Кульджа (Инин). На исторической территории Северного Китая центрами русской эмиграции были города Тяньцзин и Пекин, на юго-востоке – Шанхай [1. С. 301–307; 2; 3; 4. С. 165–168; 5. С. 70–72; 6; 7]. Как правило, исследования русской эмиграции в Китае посвящены диаспорам крупных городов, таких как Харбин, Тяньцзин, Пекин, Шанхай, а эмиграция более мелких очагов расселения остается за бортом исследований.

В 20–40-е гг. XX в. из Советской России, в частности с ее дальневосточных территорий, жители сел, представители крестьянства уходили в соседний Китай и оседали в приграничных его районах, в том числе и на территории провинции Хэйлунцзян. Некоторые затем вернулись в Россию, но были и те, кто навсегда остался по ту сторону Амура. Для воссоздания полной картины русской эмиграции XX в. необходимо рассмотреть и эту ее грань, в том числе и с точки зрения лингвистической составляющей. Важно проследить судьбу русского языка в условиях китайского приграничья, оценить его состояние и степень сохранности в настоящее время.

Жизнь в социуме, пусть и чуждом по своей природе, предполагает взаимодействие с его членами, в том числе и языковое взаимодействие, или *языковой контакт*, – «речевое общение между двумя языковыми коллективами» [8. С. 3]. В условиях языкового контакта естественно складывается ситуация *двуязычия* – владения двумя языками и поочередное их использование [8. С. 4; 9. С. 22], вызванная, с одной стороны, стремлением сохранить родной язык как признак национальной идентичности и культуры, с другой – желанием органично чувствовать себя в новых условиях. Персонологическая составляющая межязыкового взаимодействия находит отражение в языковой компетенции носителя языка, под кото-

рой мы понимаем «совокупность языков и их форм, находящихся в активном и пассивном владении языковой личности» [10. С. 18]. Активное владение подразумевает способность создавать и понимать речь (тексты), использовать язык в различных коммуникативных ситуациях. Для пассивного владения характерно понимание речи при слабовыраженной или вовсе утраченной способности говорить [10. С. 18].

Речевые материалы, собранные нами в 2011 г. во время научно-исследовательской экспедиции по приграничным селам провинции Хэйлунцзян уездов Сюнькэ и Сюньу округа Хэйхэ, позволяют исследовать языковую компетенцию потомков русских эмигрантов и членов их семей, а также определить круг факторов, способных влиять на формирование языковой компетенции и ее трансформацию.

Объектом анализа в данной статье выступает русская речь представительницы первого поколения потомков русских эмигрантов, проживающей в приграничном селе Бяньцзян уезда Сюнькэ. Цю Цзиньсю (Мария) родилась в 1930 г. в селе Бяньцзян (ранее Сяодинцы). Она потомок от смешанного брака русской матери и отца-китайца. Русский язык, таким образом, является для нее материнским.

Типичный представитель русской эмиграции на обследованной китайской территории – это женщина, по роду занятий крестьянка, с низким уровнем образования или вовсе без него, нередко имевшая детей, православная, ушедшая на чужбину, чтобы выжить, одна или вслед за мужем-китайцем. Такой была и Матрена, мать нашей информантки Марии. Матрена вышла замуж за китайца, Цю Чжун У, работавшего в России, и в конце 1920-х гг. уехала с ним в Китай. Говорили в семье то по-русски, то по-китайски (отец Марии немного владел русским языком). Нам трудно судить об уровне китайского языка Матрены, можем лишь предполагать, что степень владения языками (русским и китайским) была неодинаковой, естественно, в пользу родного.

В семье было четверо детей: два сына и две дочери. У всех были и китайские, и русские имена. Мария помнит, что мать звала ее Марусей. Она была третьим ребенком: – *Два брата / я... третья // Ишо моя [по кит.: младшая сестра, как сказать?] сестра // <...> Брат / как зовут / один Алёша / Алёша / помер // Си[ц’]яс один / Стё / Стё / Стёпка // <...> Он си[ц’]яс тоже [по кит.: болеет] // <...> Разговаривать не может //*

*Си[ц']яс ни[ц']ё не понимает // Только / кто придёт / только знает плакать // – А младшую сестру как звали, вашу сестру? – Таня // Она [в] Сюнькэ // (представленные здесь и далее примеры речи информанта были получены в ходе экспедиции 2011 г. в селе Бяньцзян провинции Хэйлуцзян КНР и хранятся в фоноархиве лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета) [11]. По словам Марии, с детьми, пока они были маленькими, мать все время говорила по-русски: *Я маленьком када / мама всё по-русски разг... // Си[ц']яс всё позабыла // Раньше всё умела / всё знала / а си[ц']яс всё позабыла // Мамы нету[ла] //*. Таким образом, в детстве языковая компетенция детей Матрены, метисов, рожденных в смешанном браке, представляла собой билингвизм с доминантой русского языка (с отцом они говорили по-китайски). Однако по мере взросления под влиянием языковой среды они все чаще использовали язык страны проживания, китайский.*

Мария помнит, что в быту присутствовали как китайские, так и русские привычки: сучили пряжу, катали «катанки», вязали «шалюшки», рукавицы, варили варенье, пекли блины, хлеб, ели вареники со сметаной, квасили капусту, детей качали в зыбке.

Мать Марии была православной, что подтверждается воспоминаниями информанта: *– А мама верила в Бога? – Мама / вер^аила / она тоже вер^аила // <...> Это Христо... мама... я ишо маленька была / мама мене... мене ишо / мене говори^ала / Христо // – Ну вас не крестили? – Крести^ала / крести^ала / я кре^аишона <...> мои дети нет // Только я кре^аишона // Крестик есь / крестик есь / а куда положила / забыла / крестик есь // (православной церкви в селе не было, мать крестила детей сама). Раньше делали / када мама была // Яи[ц']ки красные и зелёные / всяки тада (о Пасхе).*

Так как семья жила в селе и работы было очень много, не было возможности получить хорошее образование. Мария училась лишь два года в китайской школе. Русской школы в селе, и вообще в уезде, не было, писать и читать по-русски Мария не умеет, по-китайски немного читает, писать также не умеет.

Муж Марии Николай так же, как и она, был метисом в первом поколении (умер в 2008 г.). Родился в России в 1926 г., в двухлетнем возрасте был привезен в Китай (родители ушли на другую сторону Амура из-за социально-политических преобразований, начавшихся как раз в этот период).

История семьи Николая во многом схожа с историей семьи его жены. Мать – русская (Сашка) из села Коршуновка Амурской области, отец – китаец (переселенец из провинции Шаньдун), некоторое время живший и работавший в России и даже имевший русское имя Аркашка: *Отес китаец / руска мать // Они жили [в] Кориуно[в]ке // <...> Моёго мужа мама / Сашка // Спомнила // <...> Мужа отец / он... Аркашка // Русско / руско имя //*. Матрена и Сашка между собой говорили только по-русски: *Оны двое по-русски / всё по-русски говорить // Сашка [по кит.: и] Матрёна [по кит.: всё время].*

Николай знал русский язык, мог говорить по-русски, но с Марией они общались больше по-

китайски, так было удобнее. Со своими детьми Мария тоже говорила на китайском языке. У Марии семеро детей, их русская бабушка всем внукам дала русские имена: Витя, Миша, Люба, Валя, Вера, Надя, Феня. Витя (1952 г.) и Надя (1967 г.) русского языка не знают. Витя в настоящее время проживает в Шанхае, Надя и Миша – в селе Бяньцзян, с матерью. Миша (1956 г.) работал в России два года, но языком не владеет, знает лишь отдельные слова. Люба (1960 г.) живёт в Сюнькэ, Валя (1962 г.), Вера (1964 г.) и Феня (1969 г.) – в Хэйхэ, но выезжают работать в Россию, говорят по-русски.

Особенно хорошо, по словам Марии, владеет русским младшая – Феня (она изучала язык в школе): *– Они хорошо говорят по-русски? – Хорошо // Ай / моя дево[ц']ка ой / хорошо / хорошо / она хорошо // Моя маленькая дево[ц']ка / она када в школе / в школе у[ц']лилася // Она хорошо / хорошо // Эти три / када там / на русской стороне это ... / мало-мало у[ц']лила / поу[ц']илися // А эта маленька [по кит.: лучше всех] // О[ц']жень хорóшо / хорóшó //*

В 30–50-е гг. XX в. в селе Бяньцзян было много русских женщин, часто звучала русская речь. Русские часто собирались вместе, разговаривали, пели, отмечали русские праздники, что, несомненно, способствовало сохранению языка хотя бы в сфере бытового общения. Однако настало время, когда по-русски старались не говорить, а называть себя русским было опасно: *«Было / было / было // Я забыла / какой [γ]од / прям по-русски / никто не... / нельзя говорить / низя говорить / люди как по-китайсы прямо... // С какого [γ]ода я забыла врэзу / низя говорить / говорить... тебе китайсы... //*

Это было время Культурной революции, характеризующееся крайней нетерпимостью государства ко всем проявлениям «русскости», в том числе и к русскому языку. Миша, сын Марии (внешне очень похожий на русского) помнит, как односельчан со славянской внешностью сажали в тюрьму, как все боялись говорить по-русски. Это не могло не отразиться на состоянии языковой компетенции членов смешанных семей.

На данный момент основным языком Марии и членов ее семьи является китайский. Все дети Марии состоят в браках с китайцами, быт также ведут в соответствии с китайскими обычаями.

Из внуков Марии (а их у нее восемь) лишь одна внучка, дочь Нади, изучает русский язык в школе и немного говорит по-русски.

Языковая компетенция Марии, метиски в первом поколении, в настоящее время включает два языка: в активном пользовании – язык родителя титульной национальности – китайский, в пассивном пользовании – язык родителя нетитульной национальности – русский. Русский материнский язык Марии сохранился в диалектно-просторечной форме.

На протяжении жизни языковая компетенция информанта менялась от билингвизма с доминантой русского языка к билингвизму с доминантой китайского и далее, от билингвального к монолингвальному типу речевого поведения. Пассивное использование русского языка при активном применении китайского привело к нарушению норм первого под влиянием второго,

интерференция наблюдается в речи Марии на всех языковых уровнях.

Во втором и третьем поколении (дети и внуки Марии) наблюдается, как правило, утрата русского языка. Владение русским языком у данной группы лиц обусловлено особыми обстоятельствами, в частности

профессиональной деятельностью, связанной с языком, а также личным интересом и склонностью к его изучению, что мы и видим в случае с детьми и внучкой Марии.

Языковая компетенция Марии и членов ее семьи отражена в таблице.

Языковая компетенция русских переселенцев в Китай в середине XX в. и их потомков (на примере жителей приграничного с. Бяньцзян, КНР)

Информант Мария (1930 г.)	К, Р (материнский), Домашний – Р/К; Основной к 2011 г. – К
Мать (Матрёна)	Р родной, К
Отец	К родной, Р
Муж (Николай) (1926–2008)	К, Р (материнский)
Дети:	
Витя (1952)	К
Миша (1956)	К
Люба (1960)	К/Р как сфера профессиональной деятельности (способность общаться)
Валя (1962)	К/Р как сфера профессиональной деятельности (способность общаться)
Вера (1964)	К/Р как сфера профессиональной деятельности (способность общаться)
Надя (1967)	К
Феня (1969)	К/Р как сфера профессиональной деятельности (хорошее владение)
Внуки	1. К, 2. К, 3. К, 4. К, 5. К, 6. К, 7. К, 8. К/Р (изучает в школе)

Примечание. Р – русский язык; К – китайский язык.

Таким образом, в семье потомков русских наблюдается постепенная утрата русского языка.

Мария, представитель первого поколения метисов, еще сохранила материнский язык, хотя на данный момент он находится в пассивном употреблении из-за отсутствия постоянных ситуаций общения на русском языке.

Что касается второго поколения потомков, детей Марии, то здесь русским языком владеют только те, кто его специально изучал и использует в сфере своей профессиональной деятельности. В третьем поколении ситуация аналогична, язык полностью утрачен, если не изучается специально; в коммуникации используется китайский язык – язык страны проживания.

Процесс утраты русского языка обусловлен рядом факторов, повлиявших на уровень языковой компетенции каждого члена семьи.

В данном случае мы имеем стабильную форму межэтнического взаимодействия, *смешанный брак*, где муж (отец Марии) – китаец, жена (мать Марии) – русская. Модель асимметрична, что усугублялось постоянным *местом проживания* семьи в Китае, где доминирующей языковой системой, обслуживающей и официальной, и неофициальной общине, является китайский язык. *Сфера использования* русского языка ограничивалась общением русской матери с детьми и с соотечественниками, проживающими в селе.

И для Марии, и для её мужа Николая русский язык был материнским языком, оба они метисы и в детстве одинаково хорошо владели двумя языками: китайским – языком отца, и русским – языком матери. Но, зная русский язык от русских матерей, в своей семье, со своими детьми они предпочитали говорить по-китайски под влиянием *среды проживания*.

Таким образом, уже в первом поколении потомков русский язык начал утрачивать статус домашнего языка.

Важной причиной сохранности языка является *общий уровень образованности и культуры* его носителей и, соответственно, уровень культуры и образования в диаспоре. Матрена, мать Марии, как и большинство

жителей приграничных сел Китая, была представительницей крестьянства и *не имела образования*.

Кроме того, она была носителем устной, *диалектной формы речи*, что также нашло отражение в особенностях языка потомков и степени его сохранности (в русской речи Марии наблюдаются черты диалектной речи).

На степень сохранности русского языка повлияло и то, что в селе отсутствовали русские образовательные учреждения, православная церковь, русские печатные издания и прочие атрибуты культурной жизни, имевшие место в центрах русской эмиграции, в частности в городе Харбине [б. С. 25–37].

Для сохранения носителем родного языка вне этнической родины важно *наличие среды родного языка*, выходящей за пределы семейного круга. В 30–50-е гг. XX в. такая среда была.

Русские женщины общались между собой на русском языке и старались передать язык детям. Но *общественно-политическая обстановка* во время Культурной революции повлекла за собой боязнь говорить по-русски и, как следствие, утрату языка.

Таким образом, ключевыми факторами, формирующими языковую компетенцию Марии и членов ее семьи, являются:

- смешанный брак матери;
- место проживания семьи и языковая среда;
- невысокий общий уровень образования и культуры языковой личности;
- отсутствие атрибутов культурной жизни;
- владение устной формой речи; общественно-политическая обстановка в стране проживания.

Указанные причины позволяют считать закономерным забывание и утрату русского языка потомками от смешанных браков русских и китайцев уже в первом поколении метисов.

В случае с Марией отметим, что русским языком в настоящее время она владеет хуже, чем китайским. При разговоре нередко переходит на китайский язык, чтобы выразить ту или иную мысль, с трудом вспоми-

нает некоторые русские слова, нарушает грамматические и произносительные нормы. Однако несмотря на это, отмечается знание и использование грамматического словоизменения, значительный, хотя и недостаточный для свободной коммуникации, запас слов.

Отрадно, что, несмотря на условия, способствующие скорее забыванию языка, русский язык Марии сохранился во многом благодаря тесной духовной связи с матерью и стремлению сохранить память о своих национальных корнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблажей Н.Н.* Миграционный обмен России (СССР) и Китая: основные этапы и тенденции развития в XX веке // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2002. С. 300–308.
2. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М. : НД ИД «Русская панорама», 2004.
3. *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920–1950-е гг.). Хабаровск : Хабаровский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации, 2003.
4. *Василенко Н.А.* Русское население в Маньчжурии (конец XIX – начало XX в.) // Дальний Восток России в контексте мировой истории от прошлого к будущему : материалы Междунар. науч. конф. 18–20 июня 1996 г. Владивосток : Дальнаука, 1997. С. 165–171.
5. *Дубинина Н.П., Цыпкин Ю.Н.* Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 70–84.
6. *Оглезнева Е.А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009.
7. *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния. Ч. 1: Русские в Китае. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2006.
8. *Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты, лингвистическая проблематика. Л. : Наука, 1972.
9. *Вайнрайх У.* Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев : Вища школа, 1979.
10. *Оглезнева Е.А.* Русско-китайское взаимодействие на Дальневосточных территориях России: Историко-лингвистический очерк // Слово : фольклор.-диалектолог. альманах : материалы научных экспедиций. Вып. 8: Специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск : АмГУ, 2010. С. 6–25.
11. *Русский язык переселенцев в приграничный Китай в середине XX в.:* Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского гос. ун-та. Благовещенск, 2011.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 сентября 2012 г.